

ПРОСНУВШИСЬ, Питер Паркер почувствовал, что и душа его, и тело поглощены лишь одним – болью.

«Я ведь силен? Конечно. Быстр? Хотелось бы верить. Однако сбрось на меня полтонны бетона – и утро уж точно будет хмурым. Сейчас ведь утро, не так ли?»

Из-за окна, сквозь щель между сдвинутыми шторами, в комнату пробивался дневной свет. Однако день вполне мог клониться к закату. Смутно вспомнился Гарри, заглянувший попрощаться по пути на лекции, однако с тех пор мог пройти не один час.

В конце концов он смог если не встать, то пошевелиться. Все тело было жестким, неподатливым, как доска. Питер попробовал выполнить несколько растяжек, но от этого только отчетливее понял, насколько сильно пострадал. Подумав, что под горячим душем может стать легче, он кое-как дополз до ванной. Но стоило струйкам воды коснуться ссадин и порезов – и он едва не взвизгнул от боли.

«Ай! Отчего паучье чутье не предупредило об этом?»

Через полчаса, хромая, точно древний старик, он все же сумел подняться на ноги.

Доктор Коннорс и его семья все еще пребывали в плену, но в таком состоянии Питер мало чем смог бы помочь им, если бы даже знал, где они.

Однако время шло, и ему становилось все лучше и лучше. Он взглянул на часы – 9:17, утро. Может, с наступлением ночи? К тому же, о похищении ему сообщил капитан Стейси – значит, Коннорсов наверняка ищет полиция.

«А я пока что доковыляю до ГУЭ и посещу хоть пару лекций. Только бы к доске не вызвали – если профессора вообще помнят, кто я такой».

Идти пешком оказалось затруднительно, и потому Питер сел в автобус. Выйдя на нужной остановке, он заковылял через площадь, опустив голову и ссутулив плечи. На ступенях у входа в корпус естественных наук в окружении приятелей стояли Джош и Рэнди. Питер сделал вид, будто не заметил их, чем заслужил презрительный взгляд Киттлинга.

– Что? Мы для тебя не компания?

– Легче, Джош, – заступился за Питера Рэнди. – Одно лишь то, что ты скажешь «прыгай», не значит, что все тут же кинутся спрашивать, насколько высоко.

– Ух ты, – фыркнул Киттлинг. – Что этот новенький съел за завтраком? Значит, заступаешься за друга? Ну, честь тебе и хвала.

Пробормотав «привет», но так и не оторвав взгляда от ступеней, Питер двинулся дальше, но, поднявшись до середины, увидел перед собой пару знакомых кроссовок.

– Гвен?

Поставив ногу на следующую ступеньку, Гвен заговорила, но спутанные мысли Питера понеслись вскачь с такой скоростью, что он пропустил все мимо ушей. Он замер, чувствуя себя точь-в-точь как пресловутый олень в свете фар.

«Когда я в последний раз видел ее? Нет, когда я в последний раз встречался с ней, как Питер

Паркер? Я хоть СМС ей написал с тех пор, как она рассказывала о нападении на отца? За всем этим и в здоровом-то виде нелегко уследить. Вдруг сейчас все перепутаю и повторю что-нибудь из подслушанного Человеком-Пауком?»

- Питер! Ты хоть одно мое слово слышал?

Питер изумленно раскрыл рот.

«Вот черт! В том и дело, что нет! Чего она хочет? Расстаться навсегда или пойти в кино? Или только что сказала, что полюбила другого?»

Он вскинул было ладони, словно сдаваясь в плен, но это лишь вызвало новый приступ боли.

- Гвен, прошу тебя, прости, но я себя чувствую - хуже некуда. Правду сказать, лучше бы остался дома.

Гвен явно все еще дулась, однако протянула руку, чтобы поддержать его.

«Наши отношения. Она хочет поговорить о наших отношениях. Должно быть, так. Верно?»

- Знаю, нам надо поговорить. Но нельзя ли сделать это позже - скажем, в четыре, когда у меня кончатся занятия?

- Я не смогу, - помедлив, ответила Гвен. - Я буду занята.

Питер моргнул.

- Занята? Чем?

- Если тебе обязательно знать, я буду выполнять поручение отца.

- Прости. Я не хотел... Как насчет завтра? В любое время.

Гвен кивнула:

- В обед.

С облегчением проводив ее взглядом, Питер почувствовал себя слегка уязвленным.

«Она чем-то серьезно озабочена».

Он, хромая, двинулся вперед, надеясь добраться до аудитории и занять место в задних рядах без дальнейших происшествий, и едва не застонал вслух при виде подбежавшего к нему Гарри.

- Сосед! Я надеялся тебя встретить!

Питер взял себя в руки.

- Привет, Гарри.

- «Привет, Гарри»? И это все, что ты можешь сказать другу, только что отпустившему усы?

Питер прищурился, разглядывая едва заметный пушок под его носом.

- А раньше у тебя их не было?

Вопрос был задан безо всякой задней мысли, но, судя по реакции Гарри, для прямоты было не время.

– Ну вот, – протянул Гарри. – Теперь я понимаю, что чувствует Эм-Джей, когда я не замечаю ее новой прически.

Надувшись, он двинулся прочь.

Остановившись в дверях аудитории, Питер огляделся, гадая, нет ли поблизости еще кого-нибудь, кого он не успел обидеть – или, по крайней мере, еще кого-нибудь из знакомых. Он даже не замечал, что загораживает проход, пока кто-то, протискиваясь мимо, не зацепил его плечом. Легкое прикосновение вызвало новый приступ мучительной боли.

«Уй-я! Может, мои родители невзначай обидели злого колдуна, или еще кого-то в этом роде?»

* * *

УЭСЛИ восхищался тем, как быстро, не упустив ни единой мелочи, Маггии удалось организовать для него лабораторию и библиотеку, пока не сообразил, что они, скорее всего, просто руководствовались его же собственными заметками, добытыми из взломанного компьютера.

Но, как бы то ни было, последние достижения трехмерной визуализации тут же принесли результат. Все известные до сих пор формы письменности были двумерными, но специалистам уже удалось установить, что значение символов, изображенных на скрижалях, может меняться в соответствии с вариациями глубины резьбы.

Однако все эти специалисты, предполагая, что скрижаль содержит некие инструкции, сосредоточились на вычленении из основной массы текста некоего рецепта, основанного на натуральных ингредиентах – травах и тому подобном. Уэсли же предположил, что все значительно сложнее, и искать следует нечто наподобие химических обозначений – не «соль», а «хлорид натрия», не рецепт, а формулу. Вот тут-то и мог помочь биохимик. Для этого и было нужно присутствие доктора Коннорса.

И в самом деле – они стали первыми, кому удалось вычленить эту формулу из основной массы текста. К несчастью, вычленить ее оказалось намного легче, чем понять. После первоначального прорыва дальнейшие исследования уже раз десять заводили их с доктором Коннорсом в тупик.

Уэсли так увлекся, что совсем забыл о Маггии. Но Коннорс не забывал о ней ни на миг. Тревога о судьбе семьи угнетала его настолько, что лишь отвлекала от работы.

«Кто же – не Сэмюэл ли Джонсон сказал, что грозная человеку виселица прекрасно помогает сосредоточиться? Что ж, по крайней мере, в случае моего невольного партнера он ошибся».

Чтобы расслабиться, Уэсли принялся подбрасывать и ловить монетку, как Джордж Сандерс в одном старом фильме. Коннорс, то и дело стискивая кулаки, яростно метал в стену стилус.

– Вы хоть понимаете, что за последние несколько часов мы добились большего, чем все остальные – на протяжении веков? – заметил Уэсли, в очередной раз подбросив и поймав монетку.

– Да, – скривился в ответ Коннорс, – но ведь этого мало, не так ли? Я, конечно, его не

осматривал, и могу судить только по внешнему виду и единственному сердечному приступу, но, если мои подозрения верны и его сердце настолько изношено, оно может остановиться в любую минуту. Даже если Сильвермэйн намерен сдержать свое слово, в чем я сильно сомневаюсь, он вполне может умереть задолго до того, как мы закончим.

Эта информация внушала двойственные чувства. Со смертью Сильвермэйна в стройных рядах Маггии возникнет хаос – хотя бы на некоторое время. С одной стороны, это было бы как раз то, что нужно мистеру Фиску. С другой – это могло стоить Уэсли и жизни и шанса раскрыть великую тайну.

Подобрав стилус, Коннорс принялся листать спроецированные на стену изображения вычленившихся из текста химических символов.

– Вот. Формула перед нами, но переменных еще слишком много. Какие символы означают компоненты? Какие – пропорции? Какие – связи между компонентами?

Уэсли снова подбросил монетку. Глядя, как она вращается в воздухе, Коннорс умолк. Внезапно глаза биохимика распахнулись во всю ширь, и он вновь устремил взгляд к символам на стене. Символы, составлявшие формулу, были отмечены особым дополнительным элементом – загнутой на конце поперечной линией. Но кроме этого каждый символ также содержал кривую в различных положениях. Теперь Коннорс пошел от символа к символу, указывая на эти дуги – вертикальные, горизонтальные и наклонные.

Уэсли понял, о чем он думает, еще до того, как Коннорс раскрыл рот.

– Эти кривые имеются во всех символах – и в формуле, и в тексте – примерно в двенадцати различных вариантах. Однако в формуле вариантов всего три, и они вполне могут иметь отношение к искомым переменным – ингредиенту, количеству и химической связи. Прежде этого не замечали, потому что никто до нас не рассматривал формулу отдельно от сопутствующего текста. Думаю, мы у цели!

* * *

ДОБРАВШИСЬ вместе с заложниками до Гэлби-билдинг, Цицерон планировал посадить их под замок и хоть несколько минут посвятить себе. Всю эту долгую ночь ему даже некогда было принять душ. Но, едва узнав об их прибытии, Сильвермэйн потребовал всех троих прямо к себе, и Цицерон, как хороший солдат, подчинился.

Он вышел из переполненного лифта. Следом его люди вывели мать и сына – в наручниках, с надетыми на голову мешками. Опершись о стол шишковатыми кулаками, Сильвермэйн поднялся, подошел к Цицерону и навис над ним.

– Что это значит? Почему ты привез их в штаб-квартиру, не известив меня?

Цицерон понимал, что Сильвермэйн нависает над ним нарочно – подчеркивает разницу в росте, демонстрирует превосходство вожака стаи. Но адвокат так устал и перенервничал, что ответ его, хоть и должен был звучать, как просьба, прозвучал, скорее, как приказ:

– Успокойтесь!

Тут же осознав свою ошибку, он снизил тон и продолжал:

– Мистер Манфреди, ко мне в контору явился Человек-Паук. Пришлось оперативно принимать

решение самому.

Но от его оправданий стало только хуже. Сильвермэйн грохнул кулаком по столу:

- Человек-Паук? Он не остановится, пока не отыщет их. И ты привел его прямо к нам на порог!

«Мы вообще не вляпались бы во все это, если бы ты, старая горилла, вовремя сдох».

Цицерон отер лицо ладонью и заставил себя сохранить почтительный тон.

- Во-первых, позвонить я не мог. Дело - не из тех, что можно обсуждать по телефону. Во-вторых, когда я видел этого стенолаза в последний раз, он был погребен под грудой обломков. В лучшем случае - мертв, в худшем - очень серьезно ранен. В-третьих, я провел ночь и половину утра, петляя по Джерси и Коннектикуту, чтобы убедиться, что за мной нет хвоста. Не вижу, что еще я мог бы предпринять.

В какой-то момент Сильвермэйн перестал слушать его. Ноздри старика брезгливо раздулись.

- От тебя воняет.

Этого Цицерон вынести уже не смог.

- Сожалею, но в седанах нет душа!

Казалось, в последовавшей за этим гробовой тишине было слышно, как дрогнули губы Сильвермэйна, растягиваясь в легкой улыбке.

- Если бы мне и требовался повод, чтоб выпустить твои предательские потроха, ты его только что обеспечил. Марко, возьми этого паршивого...

Но Человек-Гора внезапно поднес руку к наушнику в ухе.

- Мистер Сильвермэйн, звонят из лаборатории. У них там вроде прогресс.

У Сильвермэйна отвисла челюсть, и Марко вздрогнул.

- Простите. Вы говорили: я должен тут же вам сообщить, чем бы вы ни были заняты. Вы говорили: все прочие дела - побоку...

- Нет-нет, Марко, я не сержусь. Я волнуюсь, - колени старика задрожали. Он поманил великана к себе, чтобы опереться на него. - Мы должны немедленно спуститься туда.

По пути из кабинета Сильвермэйн остановился и смерил Цицерона взглядом, не сулившим адвокату ничего хорошего. При виде непоколебимой уверенности в его глазах и широкой, точно оскал черепа, улыбки Цицерон на миг встревожился. Что, если этот камень и вправду содержит какую-то невероятную великую тайну?

Но, стоило Сильвермэйну с Марко скрыться из виду, он отмахнулся от этой мысли.

«Э-э, старик просто тешит себя иллюзиями».

Сдавленный всхлип Марты Коннорс напомнил ему о том, что хоть кому-то из Маггии следует действовать разумно. Повернувшись к своим людям, топтавшимся у лифта, он махнул рукой в сторону заложников:

- Найдите свободную комнату и закройте их там.

Видя, что его люди колеблются, он заорал:

- Мне - что, и на это спрашивать разрешения у босса?! Они уже здесь, окей? Так нужно же их где-то держать! Живо!

* * *

ВНАЧАЛЕ Коннорс решил, что в коридоре, ведущем к лаборатории, вдруг погас свет. Но это был Марко - его широкие плечи заслонили дверной проем. Великан настороженно взглянул на него, но не проронил ни слова. Опираясь на его руку, в лабораторию вошел Сильвермэйн. Судя по всему, главарь Маггии был еще ближе к смерти, чем в тот момент, когда Коннорс видел его в последний раз. Но в то же время его мертвенно-серое лицо сияло странным - самым подходящим описанием этого состояния было бы слово «детским» - предвкушением чуда.

- Получилось?

Коннорс надеялся, что Уэсли возьмет на себя труд ответить, но тот молча отодвинулся к дальней стене лаборатории. Уверен, что Коннорс, будучи доктором, лучше сумеет объяснить, насколько это опасно? Или просто избегает внимания Сильвермэйна любой ценой?

Не видя иного выхода, Коннорс вздохнул и заговорил:

- Мы вычленили из текста формулу какого-то эликсира. Но и понятия не имеем, для чего он может быть предназначен, не говоря уж о том, действительно ли подействует. Далее необходимо провести серию экспериментов, и через пару недель...

В ответ Сильвермэйн погрозил ему скрюченным, дрожащим пальцем.

- Что сказано о нем на скрижали?

Чувствуя легкий укол вины, Коннорс кивнул на своего партнера. Оба они догадывались, отчего престарелый гангстер так интересуется этим эликсиром.

- Текст - это уже не моя область. Уэсли?

Прежде, чем ответить, Уэсли бросил на него восхищенный взгляд, будто воскликнув: «Туше!».

- У нас не было времени перевести текст полностью хотя бы вчерне - на это потребовались бы годы исследований. Если даже забыть о вариативности значений, являющейся проблемой любого перевода, есть мнение, что в этих письменах содержится - буквально! - вся космология.

Сильвермэйн согнул ладонь, свел пальцы в щепоть и изобразил щелкающего клювом гуся:

- Бла-бла-бла! Скажите проще, не говорится ли там что-то вроде этого...

Он запрокинул голову, прикрыл глаза, будто погрузившись в транс, и запел:

Нам говорят: мы рождены для смерти.

«Какая чушь! - отвечаю я. - Не верьте!»

Кто правду знает, никогда не станет стар:

Он пьет и пьет чудесный юности нектар!

Стоило ему допеть – и нетерпеливое предвкушение чуда вновь овладело всем его существом.

Уэсли озадаченно взглянул на Коннорса. Сильвермэйн шагнул вперед.

– Есть там что-то вроде этого? Отвечайте! Есть?

Но Коннорс с Уэсли молчали. Марко скрестил руки на груди.

– Мистер Сильвермэйн задал вопрос.

– И да и нет, – наконец сказал Уэсли. – Кое-какое сходство имеется, но...

Лицо Сильвермэйна вновь озарилось детским восторгом.

– Ага! За работу! Сделайте мне этот нектар – немедленно!

– Не могу, – возразил Коннорс. – Я не имею никакого понятия, как эти химикалии подействуют на ваш организм. Если этот состав убьет вас, погибнет моя семья. Я ведь не ошибаюсь?

Сильвермэйн кивнул – так, точно его голова едва держалась на шее.

– Самое сложное уже позади. Теперь я могу нанять любого из тысячи химиков – и он сделает мне нектар по этой формуле. Но время не ждет, и потому я облегчу тебе выбор. Ты немедленно создаешь мне этот нектар, или они умрут сейчас же. Вначале – сын. Для полной ясности: тебе остается только надеяться, что нектар подействует, как надо.

Марко повел своего босса к выходу. Рептилия в глубинах разума Коннорса встрепелась.

– Сильвермэйн!

Старик оглянулся. Коннорс указал на Уэсли. Тварь, затаившаяся внутри, не доверяла партнерам – и, кстати сказать, вообще никому.

– Я рискую жизнями своих близких. Он – нет. Он мне здесь не нужен.

Некоторое время взгляд Сильвермэйна блуждал между двумя учеными и, наконец, остановился на Коннорсе.

– Окей.

* * *

ЛЕКЦИИ кончились, и лавина пихающихся локтей и плеч вновь напомнила Питеру обо всех его ушибах. Впрочем, боль утихла настолько, что ему удалось миновать переполненный студентами холл, не выглядя полным инвалидом. Однако едва он оказался снаружи, вечерняя прохлада проникла сквозь одежду, и утратившие гибкость суставы совсем онемели. О прыжках и полетах над городом все еще нечего было и думать.

Прогулка немного помогла, но острая боль в груди означала перелом одного, а то и двух ребер. К счастью, ребра болели только когда он определенным образом расправлял плечи или делал слишком глубокий вдох. Может, зайти в клинику и наложить тугую повязку? Но показавшееся впереди «Кофейное Зерно» отвлекло Питера от телесных мук.

«Может, и к лучшему, что Гвен занята. Сегодня я не гоюсь для серьезного разговора».

При виде парочки, уютно устроившейся за столиком у окна кафе, Питер вздохнул.

«До сих пор чувствую себя полным придурком из-за того, как набросился на Флэша. Кстати, я хоть извинился?»

Подошедшая к столику официантка заслонила обзор, однако Питер успел увидеть блеск роскошных платиновых волос. Подумав, что это всего лишь игра света, он двинулся дальше, но что-то заставило его остановиться и шагнуть к окну.

«Минутку...»

Официантка все еще заслоняла лица сидевших за столиком – но не отутюженный военный мундир.

«Флэш? С Гвен? Не может быть».

Он придвинулся еще ближе.

«Не может...»

Но тут девушка подняла взгляд, благодаря официантку, и отрицать очевидное стало невозможно. Это действительно была Гвен. Она сидела за столиком вдвоем с Флэшем, и оба они, подавшись вперед, смотрели друг другу в глаза. Слов их Питер не слышал, но это было уже неважно. Гвен солгала ему.

Питер отвернулся от окна кафе и, не разбирая дороги, двинулся прочь.

«Вот, значит, как...»

Время шло. Звуки большого города – голоса прохожих, шум машин – постепенно утихали.

«Только полный идиот мог вообразить, что такая девушка, как Гвен, может...»

Взгляд его затуманился. Он даже не заметил, как стемнело.

«Но я ведь думал, что мы с ней...»

Тут он наткнулся на что-то – или что-то наткнулось на него, неважно. Во всяком случае, оно легко расступилось.

– Эй, недомерок, смотри, куда прешь!

Слова донеслись откуда-то издалека – словно из динамиков магнитофона или телевизора, включенного в одной из квартир наверху.

«Я бы и за миллион лет в это не поверил!»

– Да он и не слышит! Может, ему уши прочистить?

Двое здоровых парней заступили ему дорогу. Паучье чутье защекотало в затылке, но слабо, едва ощутимо. Питер отмахнулся от них левой:

- Прочь с дороги.

Глухой шлепок врезавшихся в кирпичную стену тел вернул Питера к реальности. Опираясь друг на друга, пострадавшие поднялись и пустились бежать.

«Нет! Неужели случай с Джей-Джей-Джеем меня ничему не научил? Ударь я самую малость сильнее - и...»

Все произошло так быстро, что нападавшие вряд ли смогли как следует разглядеть его. К тому же, они ни за что не признаются, что их отшвырнули с дороги, будто котят. А больше никто не видел? И, кстати, куда это его занесло?

Питер огляделся. Сам того не сознавая, он ухитрился забрести на одну из самых темных улиц Нижнего Ист-Сайда, одну из немногих, где до сих пор орудовали торговцы крэком.

«Да я будто сам напрашиваюсь на неприятности. Неудивительно, что Гвен предпочла Флэша такому кретину, как я».

Но от этого признания было не легче. И, когда сотовый Питера зазвонил, боль от измены Гвен была все так же свежа, как и несколько часов тому назад.

Ответив на вызов, Питер тут же пожалел об этом.

- Да?

- Питер? Это Гвен.

- Я знаю.

- Окей... - тон Питера явно смутил ее. - Сегодня утром ты был в таком скверном состоянии... Я хотела спросить: теперь тебе лучше?

- Нет.

Последовала долгая пауза.

- Вот как? Но, если тебя что-то мучает, я имею право знать что.

Голос ее звенел, исполненный знакомой смеси боли и тревоги, но сейчас Питер - в первый раз в жизни - не верил в ее искренность.

- Конечно, Гвен, у тебя есть все права. Надеюсь, ты с удовольствием воспользуешься ими в компании Флэша Томпсона, а я здесь больше ни при чем.

С этими словами Питер дал отбой, сел на край тротуара, уперся локтями в колени и подпер ладонями подбородок. Посидев так некоторое время, он оглядел улицу и поднялся на ноги.

Боль или не боль - пора было браться за дело.